

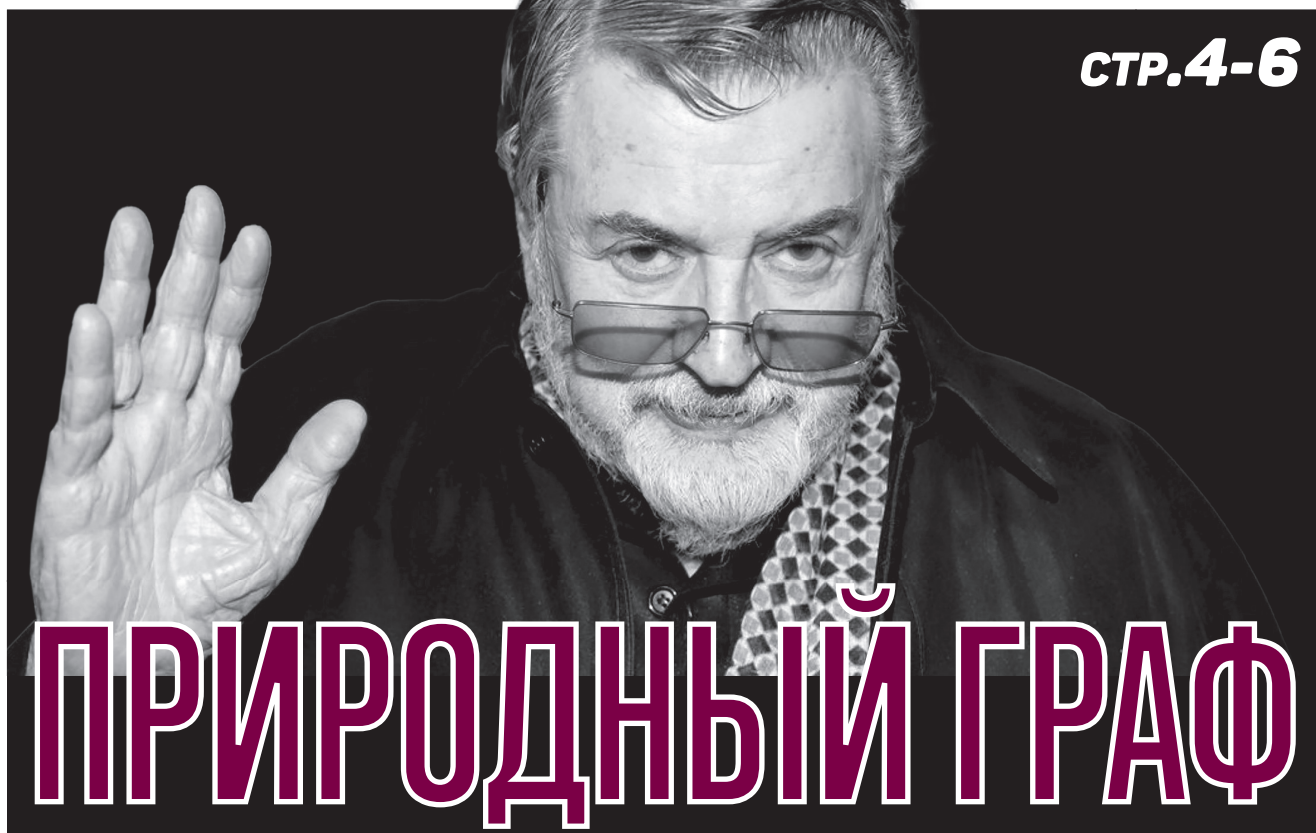
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

МИХАИЛ ДЕМИН И ЕГО РОМАН «БЛАТНОЙ»

МИХАИЛ ДЁМИН

БЛАТНОЙ

СТР.20

СТР.4-6

ПРИРОДНЫЙ ГРАФ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

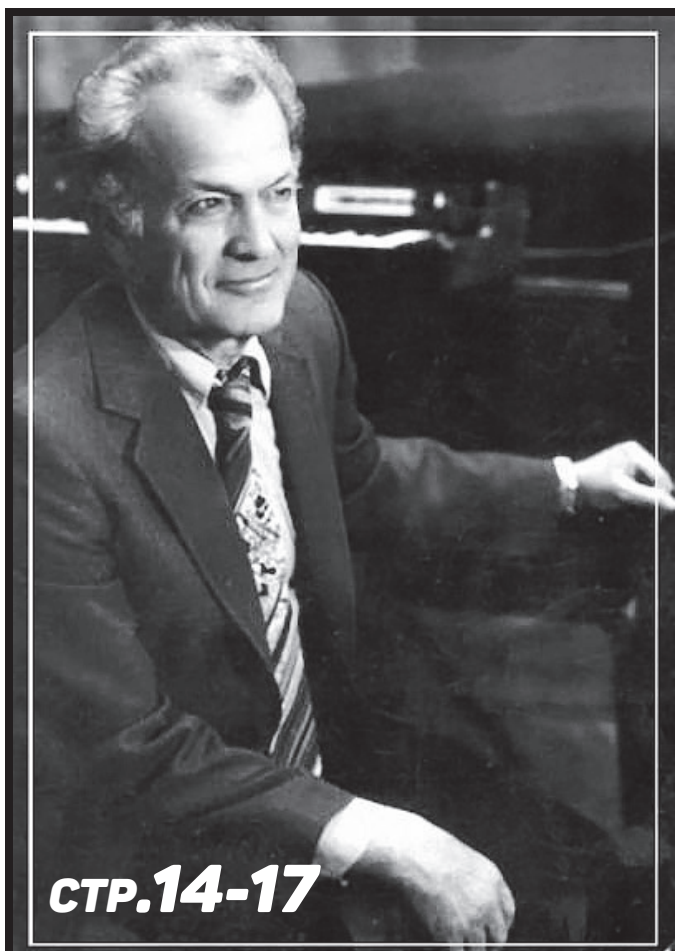
№13 (198)
МАРТ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

СТР.8-11

СТР.14-17

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СТАРОЖИЛ

ПРИРОДНЫЙ ГРАФ

Геннадий Норд

15 марта скончался Александр Анатольевич Ширвиндт. Ушла эпоха. Эпоха театра и эпоха кино...

Когда провожали в последний путь его лучшего друга Михаила Державина, он сказал:

- Минька ушел. Снаряды все ближе. Там компашка собралась намного лучше, чем здесь.

Вот и он и присоединился к той «лучшей компашке».

Московский Театр Сатиры не слишком склонен к смене парадигмы развития. С середины 1950-х долгие годы художественным руководителем театра был легендарный режиссер Валентин Плучек, собравший в «Сатире» целый ансамбль замечательных актеров. Один из них - Александр Ширвиндт - и сменил учителя и мастера на его посту после смерти.

К Плучеку Ширвиндт пришел уже сложившимся актером. Он родился в Москве в 1934 году в артистической семье - его отец был скрипачом, мать работала в филармонии, и родители мечтали, чтобы сын тоже пошел по музыкальному пути.

Но не сложилось. Музыкой Ширвиндт заниматься не стал, а поступил в Театральное училище имени Щукина на актерский курс Веры Львовской.

После окончания пытался найти свой театр - служил в Театре-студии киноактера, потом перешел в театр имени Ленинского комсомола. В Ленкоме Ширвиндт задержался надолго, застал и времена безвременья, поработал с не менее легендарным Анатолием Эфросом, играл в большинстве главных спектаклей театра: «Чайка», «Мольер», «104 страницы про любовь». Но когда Эфрос «попросили» на выход, Ширвиндт ушел - сначала в театр на Малой Бронной, а затем в труппу Театра сатиры.

Александр Ширвиндт был популярен среди театралов и во время работы в Ленкоме. Но в новый театр он попал не в лучшие времена. Ушел Валентин Гафт, под угрозой оказался амбициозный спектакль Плучека «Безумный день, или Женитьба Фигаро», в котором тот играл

графа Альмавиву, и Ширвиндта позвали спасти положение по протекции его друга Андрея Миронова.

Звездой постановки был, разумеется, Миронов, хотя критики отмечали, что Гафт ни в чем не уступает. Ширвиндт, введенный в спектакль после трех репетиций, выглядел на сцене неорганично.

- Всегда страшно влезать с нуля в уже готовый продукт, - рассказывал он. - Первый спектакль, помню, был ужасным, я ничего не соображал. Но потом выигрался. «Выигрался» Ширвиндт настолько, что актриса Вера Васильева - она в этом спектакле была графиней - назвала его «природным графом». Новый Альмавива понравился и критикам, ну, а когда по Центральному телевидению показали телеспектакль, популярность Ширвиндта взлетела до небес.

Вообще известность Ширвиндта, как и в случае многих его коллег, - это заслуга телевидения и кино. На ТВ он был известен как исполнитель юмористических миниатюр в дуэте с Михаилом Державиным.

А в кино Ширвиндт начал сниматься ещё в 50-е - его дебютом стал небольшой эпизод в романтической комедии

1956 года «Она вас любит!». Правда, больших ролей ему долго не доставалось - он играл, например, в лентах «Майор Вихрь», «Шестое июля», «Старик-разбойник» Эльдара Рязанова, «Ты и я» Ларисы Шепитько.

Прорыв случился в 1975-м, когда Александр Ширвиндт сыграл Павлика в трагикомедии Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!».

Потом были роли в «Двенадцати стульях» Марка Захарова, «Небесных ласточках», а также фактический бенефис Миронова, Ширвиндта и Державина - экранизация книги Джерома Клапки Джерома «Трое в лодке, не считая собаки».

В принципе, 70-е и 80-е были, можно сказать, золотым временем в кинокарьере Ширвиндта - он сыграл во множестве популярных фильмов, которые сделали его узнаваемым и любимым зрителями.

- Карьера - это мера тщеславия, а у меня тщеславие дозировано необходимостью не выпасть из обоймы достойных людей.

Главные усилия он всё же направлял на театр. Играл во многих постановках театра Сатиры, воплощая на сцене вы-

соких и статных красавцев с непреходящим чувством собственного достоинства. Уже с начала 70-х ставил и сам в качестве режиссера - причем, на первой постановке его сорежиссером был Марк Захаров, который тогда ещё не перешел в Ленком, а работал в Театре Сатиры.

Весь накопленный за эти годы опыт позволил ему подхватить осиротевший после смерти Плучека театр и достойно возглавлять его на протяжении двадцати лет. Коллизии, разумеется, случались, но больше всего Ширвиндт жаловался на отсутствие новых сатирических пьес, а не на отсутствие финансирования.

- Уже больше сорока лет я в Театре Сатиры. «Я усталый старый клоун, я машу мечом картонным». Сатира - это уже не мое, она подразумевает злость. Мне ближе самоирония - это спасение от всего, что вокруг. Эрдман, Шварц - вот близкие мне авторы. У них нет злости, есть грусть и ирония. Волшебник из «Обыкновенного чуда» говорит замечательные слова: «Всё будет хорошо, всё кончится печально». Так вот, когда знаешь, что всё будет хорошо и кончится печально, - какая уж тут сатира?

Книги воспоминаний Ширвиндта - это как раз сборники, которые показывают его иронию по отношению и к тому, что происходило, и к тому, что происходит сейчас. Он нечасто позволял себе говорить резко, но иногда его маска спокойствия давала трещину.

- Есть глупость, скупость и злость - три параметра, которые не должны существовать на этой выдохшейся планетке. Но они цветут со страшной силой.

Свою последнюю книгу, которая была приурочена к 85-летию, Александр Анатольевич озаглавил «Опережая некролог» - видимо, в надежде, что читатели прочтут заложенную в этом названии иронию. Иронии по отношению к смерти, к самому себе и ко всем поклонникам своего таланта.

С ним можно было говорить обо всем и очень долго. Он был великолепным рассказчиком, многое видел, со многими общался, со многими был знаком.

А его мысли, афоризмы, высказывания наполнены уникальным юмором и глубокой философией.

Главный режиссер Московского театра Сатиры Валентин Николаевич Плучек, Андрей Миронов и Александр Ширвиндт во время репетиции спектакля, 1976

С Михаилом Джаваниным

С женой Натальей Николаевной

ВОТ НЕКОТОРЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ БЕСЕД С НИМ.

- Самый интересный подарок в твоей жизни?

- Мамед Агаев, директор нашего театра, на блошином рынке отыскал граммофон, мне притащил. Я ведь обожаю старые пластинки! Но прослушивать их надо не на гениальной технике - на древнем-древнем граммофоне. Только на нем! Чтобы с шипом, треском.

- Самая крутая пластинка, которая побывала в твоих руках?

- Разбирал на даче закрома старых пластинок. Еще со времен бабушек и родителей. Нашел кожаный альбом. Думаю: это что ж за сокровище? Протер - золотом проступает надпись: «Доклад товарища Сталина на таком-то съезде...» Пластинок двадцать! Сам доклад восемнадцать пластинок. Последние две - аплодисменты. Я не шучу. Не дай Бог - не дописать! Сколько шли, столько и намotalи.

- Прослушал?

- Доклад-то? Конечно. Аплодисменты мельком.

- От Андрея Миронова что-то сохранилось?

- Марк Захаров, Гриша Горин и Андрей шли ко мне на день рождения, а во дворе подхватили ржавую батарею. Доперли эту тяжесть до третьего этажа. Горин увязал как-то батарею с теплом сердца. «Несите теперь обратно», - говорю. Понесли! Я наблюдаю. А потом что уж им в голову пришло - не знаю, но решили довести ситуацию до полного абсурда.

- Притащили обратно?

- Да. Тут уж я принял. Куда деваться. Может, и стоило ее сохранить. Для музея.

Вообще, Захаров с Мироновым могли проводить меня на вокзал, посадить на поезд в Харьков. Затем помчаться во Внуково - и прибыть в Харьков раньше меня. Спрятаться где-то и «пугануть», как Марк выражался. Чтобы я подумал - допилился, видения...

- С Евтушенко, твоим соседом по высотке на Котельнической набережной, много общались?

- Мало. Расскажу другую историю. В нашем доме до сих пор есть подземный гараж. В советские времена въехать туда было, практически, нереально, мы с Женькой долго стояли в очереди. Когда умер архитектор Чечулин, эту высотку и проектировавший, одно место в гараже освободилось. Внепланово. Мне шепнули, что комиссия выбирает между мной и Евтушенко. Я понимал, что шансов у меня никаких. Евтушенко - популярнейший поэт, глыба. Но тут он опубликовал стихотворение «Тараканы в высотном доме».

- Про Котельническую?

- Нет, писал про страну аллегорически. Но тараканов в доме действительно было несметно, гаражная комиссия обиделась. В гараж въехал я.

- Любишь автомобили?

- Ну, да. Но я не только на машинах гонял. Еще на лошади.

- Где?

- В Молдавии снимали фильм «Атаман Кодр». Так я километров пятнадцать скакал до ближайшего села. Потом обратно.

С сыном Михаилом

В фильме «Приходите завтра»

- Зачем?

- Как это - зачем? За выпивкой! На съемках мы с лошадой не слезали. Я так уверовал в свои кавалеристские способности, что годы спустя во время фестиваля «Золотой Остап», где был президентом, подписался выехать на сцену на белом коне. Кое-как на него меня взгромоздили. Слезть оказалось сложнее.

- Снимали вручную?

- Ну, разумеется. Я хватался за гриву, пытался сползти без ушерб. Вместо торжественного открытия вышел фарс.

- Кто из твоих друзей уважал рыбалку?

- Горин. Великий Николай Крючков к старости соглашался на съемки только при условии, что рядом будет водоем и можно закинуть удочку. Лёня Дербенев, поэт-песенник, затянул меня на подледную рыбалку. Мотыля засовывал в презерватив и держал за щекой, чтобы не замерз.

- Андрей Миронов ловил?

- Абсолютно равнодушен. На съемках фильма «Трое в лодке» прикрепили к нам водолазов. Чтобы мы не утопи в Темзе.

- Снимали же не на Темзе?

- Темзу играл Неман у города Советска. Бывшего Тильзита. Так мы уболтали водолазов тихонечко прицепить к удочке Миронова гигантского окуня. Магазинного, естественно. Видел бы ты восторг Андрея: «Это я поймал!»

- В кино тебя зовут до сих пор. Предложение, над которым особенно смеялся?

- По-моему, режиссеры и продюсеры уже отчаялись затащить меня на съемочную площадку. Не из-за того, что я кокетничаю или торгуюсь. Просто материал однообразный. Боевики, олигархи... Мне это физически неинтересно.

А вот афоризмы и цитаты Александра Анатольевича:

- Конечно, умирать надо вовремя, но как высчитать в наш меркантильно-прагматичный век, когда это - вовремя? Чтобы благодарные потомки спохватились и поняли, кого они потеряли

- Мой отдых - только под нашим кустом и чтобы никого не было. Лица наших комаров мне приятнее.

- Мне элементарно неинтересно коллективное мышление. Мне больше нравится жить своим умом...

- Человеческая душа как самогонный аппарат - заливается туда всякая гадость, а выходит настоящий эликсир!

- Трусость - сестра паники. Смерти я не боюсь. Я боюсь за своих близких. Боюсь случайностей для друзей. Боюсь выглядеть старым. Боюсь умирания постепенного, когда придется хвататься за что-то и за кого-то... «Наше всё» написало очень правильно: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» Будучи молодым, я считал, что это прелюдия и не более. Сейчас понимаю, что это самое главное в романе.

Окончание на с.6

В фильме «Ирония судьбы или С легким паром!»

В фильме «Самая обаятельная и привлекательная»

На сцене Театра сатиры

В спектакле «Где мы»

Окончание. Начало на с.5

- Говорят, что в семье должно быть полное единение. А на самом деле, мне кажется, наоборот. Моя жена - архитектор, сейчас на пенсии, а раньше была довольно известна в своей области, много работала, у нее свои друзья... Она толком не знает, чем я занимаюсь, и это очень важно. Ну, театр, премьеры... Жены, которые растворяются в своих мужьях, - наверное, это очень хорошо и большая помощь. Но, я думаю, в конце концов, от этого можно сойти с ума - когда в тебе постоянно кто-то растворяется. А вот па-

раллельное существование - это воздух: у нее свое творчество, у меня - свое. Получается, что не круглые сутки нос в нос. Так и набегает много лет...

- Не могу сказать, что в жизни мне выпал «счастливый билетик». Но в основных каких-то вещах: родители, семья, брак, дети, внуки, правнуки - у меня все очень симпатично и счастливо. Хотя, конечно, это подозрительно.

- До студентов я всегда пытаюсь донести простую истину: счастливее, чем эти четыре года в инкубаторе, ничего у них в жизни не будет. Дальше начнутся творческие муки, зависть, интриги, игры слу-

чаев, поэтому во время учебы, вбирая в себя все что можно - было бы от кого, надо пользоваться своим счастьем на всю катушку.

- Другого времени у нас не будет. Поэтому мы должны жить во времени настоящем, никак самих себя не обманывая.

- Сотрудник крематория чихнул на рабочем месте и теперь не знает, где кто. Сейчас эпоха так чихнула на наше поколение: где и кто - совершенно неизвестно.

- Когда куда-то зовут, надо сразу лететь, а то есть риск больше никогда не увидаться.

- На свои годы не выгляжу, выгляжу моложе, потому что седею снизу.

- За восемьдесят лет не случилось всерьез отчаиваться - только делаю вид. Это сохранило шевелюру, гладкую кожу морды лица и инфантилизм старого мудака.

- Старость - это не когда забываешь, а

когда забываешь, где записал, чтобы не забыть.

- В жизни я однолюб. То есть мужчина, испортивший жизнь только одной женщине.

И НАПОСЛЕДОК ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ:

- Несмотря на предков, живших в Вильнюсе, я не знал ни одного иностранного языка. Так вот - в день концерта Михаил Михайлович Державин потерял голос, хрипел. Как выступить? Полезли в аптечку. Нашли какие-то огромные таблетки, надпись на английском. Державин обрадовался:

- Наверное, от горла.

Выпил одну - дыхание сперло, пошла пена. Я участливо спрашиваю:

- Пробивает?

- Ага, - отвечает сквозь слезы и икоту.

А пена лезет, все больше и больше. Я полотенцем смахиваю. Сестра Державина потом перевела: пенообразующее противозачаточное. Надо принимать непосредственно перед актом.

